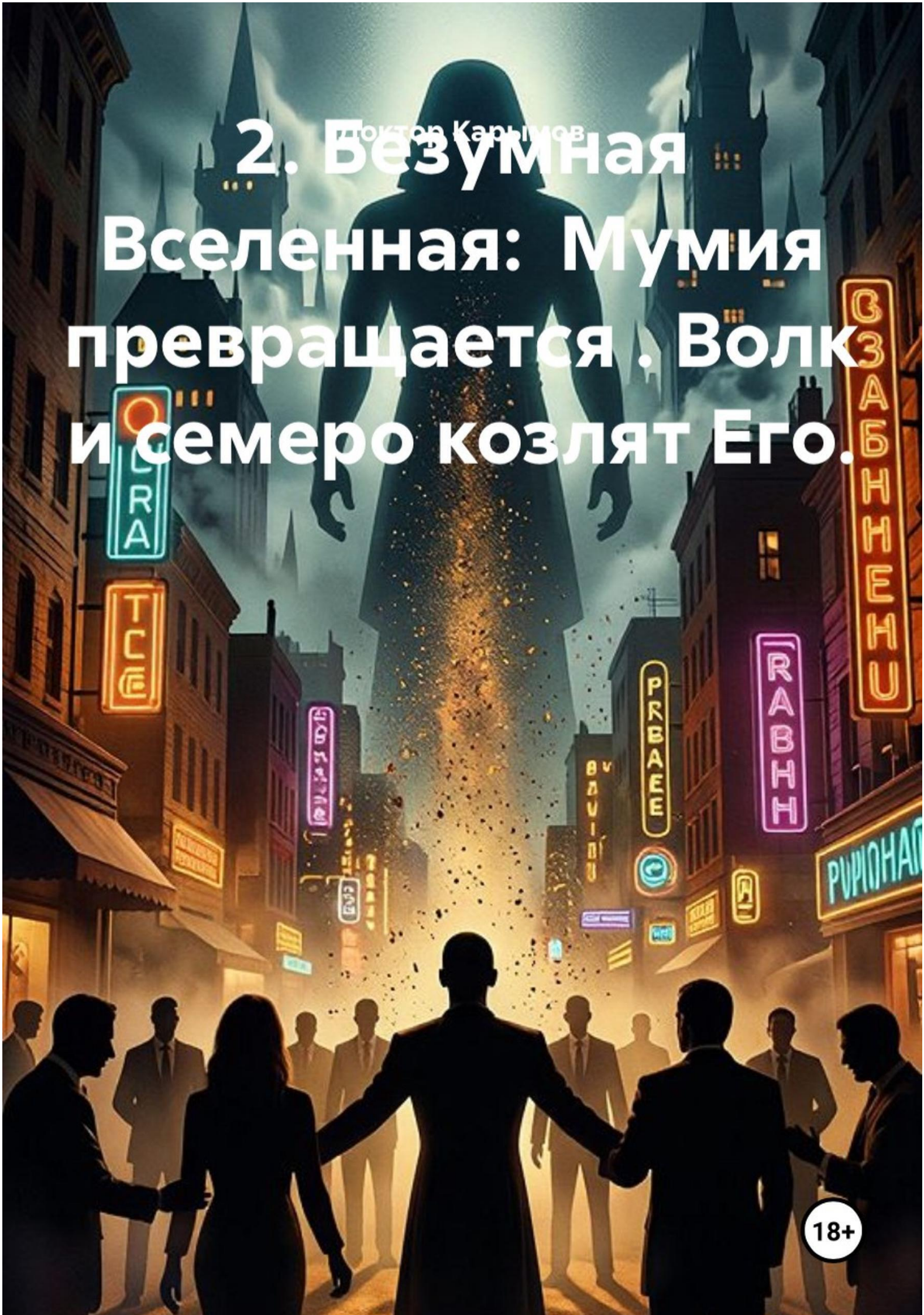
Доктор Карымов

2. Безумная Вселенная: Мумия превращается . Волк и семеро козлят Его.



Доктор Карымов

2. Безумная Вселенная: Мумия превращается . Волк и семеро козлят Его.

«Автор»
2026

Карымов Д.

2. Безумная Вселенная: Мумия превращается . Волк и семеро козлят Его. / Д. Карымов — «Автор», 2026

Продолжение сатирического цикла сказок для взрослых «Безумная Вселенная»!В сказочной столице разгораются нешуточные страсти: из Долины Царей приезжает древний жрец Имхотеп и распыляет над городом Песок Забвения, который не стирает память, а начисто выключает любовь, превращая влюблённых, ведьм и королей в холодных бухгалтеров. Спасать мир от тотального расчёта берутся бессмертный граф Влад, его шепелявый слуга Иннокентий, Песочный человек со своей подружкой Lovец Snow и сама Смерть в шахтёрской жилетке.А во второй части книги вас ждёт едкая притча «Волк и семеро козлят Его» — о том, как грозный лесной хищник влюбился в утончённую Козу-пиарщицу, пашет на четырёх работах ради бесконечной «капусты» для семи рогатых детей из её командировок и стоит перед выбором: уйти в вольный лес с Красной Шапочкой или окончательно стать тем, кого всю жизнь презирал.

© Карымов Д., 2026
© Автор, 2026

Доктор Карымов
2. Безумная Вселенная: Мумия превращается . Волк и семеро козлят Его.

Мумия превращается… Волк и семеро козлят Его…

БЕЗУМНАЯ ВСЕЛЕННАЯ: МУМИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ…

Часть 1. Песок Забвения

Глава 1. Слишком спокойная весна и Иннокентий без акцента

Люблю я, знаете ли, хорошую, породистую тишину после бурного вечера — когда в камине догорают поленья, в бокале лениво перекатывается выдержанное бордо, а на пушистой медвежьей шкуре у моих ног сладко потягивается Мина, кутаясь в тончайший чёрный шёлк, из-под которого при каждом движении дразняще мелькает мраморное бедро.

После той самой ночной сходки в подземелье спа-салона «Чёрный котёл» в нашем королевстве воцарилось редкое, почти неприличное благоденствие. Золушка с карликом Румпельштильцхеном привели в идеальный порядок королевскую казну, Буратино с бешеным успехом давал аншлаги в театре «Молния» и жил на два дома между гримёркой и лесной избушкой Белоснежки, Мальвина присматривалась в своей гримёрке к верному пуделю Артемону, а Снежная Королева в пляжном парео окончательно отогрела душу у камина в компании Красной Шапочки и Маленькой Разбойницы. Мир крутился как швейцарские часы, смазанные страстью, глупостью и любовью.

А я сидел в своём вольтеровском кресле, лениво покручивал на пальце серебряный перстень и ждал, когда же приедет старый приятель Имхотеп, которому я ради чистого эстетического веселья велел отправить приглашение в пирамиды — дабы подать нашему сумасшедшему карнавалу на десерт немного безобидного песка забвения.

Но идиллия рухнула в четверг вечером, ровно в девять ноль-ноль, когда в коридоре замка раздался звук, от которого у меня едва не выпал из рук бокал.

Обычно приближение моего непутёвого слуги Иннокентия предвещала целая симфония катастроф: сначала грохот сбитого канделябра в галерее, затем звон падающих доспехов, следом сдавленное шипение «Чёгт бы побгал эти пагкетные полы!» — и только потом в дверях библиотеки возникал сам Иннокентий в перекошенном бархатном плаще со стоячим воротником, с толчёным мелом на носу и виноватой собачьей преданностью в глазах.

Но в этот вечер в галерее не упал ни один подсвечник. Шаги за дверью были ровными, размеренными, почти строевыми.

Дверь библиотеки открылась бесшумно. На пороге стоял Иннокентий. Правда, выглядел он так, словно его подменили в химчистке: бархатный вампирский плащ был аккуратно снят и перекинут через левую руку, лицо начисто отмыто от мела, а спина выпрямлена по линейке. Слуга окинул меня трезвым, чуть скучающим взглядом кадрового сотрудника, поправил манжет рубашки и произнёс чистым, бархатным баритоном диктора центрального телевидения:

— Добрый вечер, Влад. Там в прихожей вас ожидает некий господин Имхотеп, прибывший из Древнего Египта на двухгорбом верблюде с золотой попоной. Утверждает, что прибыл по вашему приглашению. Кстати, раз уж мы заговорили: я тут на досуге перечитал наш устный договор. У меня за пять лет накопилось четыреста двадцать часов неоплаченных переработок, включая ночные трансильванские переезды, вредность за ночёвки в чулане в ящике из-под картошки и ни одной записи в трудовой книжке. Примете гостя или мне вызвать охрану и пойти писать заявление в профсоюз?

В библиотеке повисла такая гробовая тишина, что стало слышно, как за окном чихнула летучая мышь.

Мина приподнялась на локте на медвежьей шкуре, округлив свои прекрасные, пахнущие ночным жасмином глаза. Я же медленно поставил бокал на столик, уставившись на слугу так, словно тот только что без единой шпаргалки сдал экзамен по квантовой физике.

— Иннокентий? — осторожно прищурился я. — Ты чего это? Где «Вафе сиятельштво»? Где «укуфите меня пошкогее»? Ты что, втихаря логопеда из столицы выписал?

— Никак нет, граф, — сухо отчеканил Иннокентий без единой запинки, легко выговорив даже самое непроизносимое для него слово «трансильванский», и с лёгкой, почти брезгливой усмешкой покосился на свой бархатный плащ. — Просто вышел на крыльцо подышать свежим воздухом, вдохнул какую-то золотистую пыльцу с ветра — и, знаете, словно пелена с глаз упала. Какой же я был идиот, Влад! Спать в ящике из-под картошки, пудрить нос мелом и мечтать, чтобы взрослый мужик укусил меня в шею? Чистый стокгольмский синдром. Так мне впускать египтянина или нет? У меня смена через пятнадцать минут заканчивается.

Слуга кивнул, развернулся на каблуках — не задев по дороге ни глобус, ни бюст Аристотеля без носа! — и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Я медленно поднялся из кресла. Между лопаток у меня впервые за много десятилетий пробежал острый, колючий холодок. Когда безумец вдруг становится идеально трезвым и начинает говорить языком трудового кодекса — это верный признак того, что в королевстве завелась зараза пострашнее чумы.

— Одевайся, душа моя, — негромко сказал я Мине, поправляя манжеты сорочки. — Похоже, наш забинтованный гость привёз совсем не тот десерт, который я заказывал. Пойдём посмотрим, что за фрукт приехал к нам из Долины Царей.

Глава 2. Турист в бинтах, или Сделка, от которой невозможно не рассмеяться

Гость в прихожей выглядел так, словно сошёл с обложки журнала «Мумия-Форбс».

Высокий, сухопарый господин в безупречно отглаженных льняных бинтах кремового оттенка, поверх которых был небрежно накинут двубортный кашемировый пиджак. На переносице поблескивали золотые очки-авиаторы, в костлявых пальцах он держал увесистый саквояж из кожи бегемота, а от всей его фигуры тянуло сухим ладаном, шафраном и тремя тысячами лет выдержки в сухом подвале.

— Имхотеп? — я скрестил руки на груди и критически оглядел древнего жреца с ног до головы. — Старый мешок с сушёными финиками! Оперативно ты на моё приглашение откликнулся. Я-то думал, ты из своей пирамиды ещё полгода вылезать будешь. Но объясни мне одну вещь, друг мой забинтованный: я велел ведьмам позвать тебя с обычным песком лёгкой амнезии — так, чисто посмеяться, чтобы Золушка забыла пароль от казны, а Буратино вспомнил, зачем придумали брюки. А от твоего саквояжа сейчас так тянет выжженной пустыней, что мой слуга на крыльце вдохнул пылинку и заговорил языком трудового кодекса!

Имхотеп снял золотые очки, открывая взгляду два сухих, жёлтых, как старый пергамент, глаза. Он скользнул взглядом по выплывшей следом за мной Мине — в её чёрном шёлке с разрезом до бедра — и брезгливо поморщился, словно увидел тарелку манной каши с комками.

— А ты как думал, Влад? Что я потащусь через три моря на верблюде ради твоих дешёвых капустников? — бархатно проскрипел жрец, похлопывая по саквояжу из кожи бегемота. — А я смотрю, слухи не врали. Бывший бич Трансильвании, гроза Карпат — и раскис в семейном сиропе? Живёшь в одном склепе с женщиной, пьёшь бордо и смотришь на неё так, словно у тебя вместо клыков молочные зубы прорезались. Фу, Влад. Это же позор для нашего цеха.

— На вкус и цвет, Имхотеп, — лениво усмехнулся я, приваливаясь плечом к косяку. — Зато мне не приходится каждые двести лет менять бинты от моли. Так что за дрянь лежит у тебя в чемодане?

Бинты на скулах мумии натянулись в тонкую, самодовольную ухмылку.

— Моё главное ноу-хау, коллега. Песок Забвения. Пока твои ведьмы посылали ко мне гонца, я четыреста лет в саркофаге дорабатывал старую формулу — перетирал лепестки лотоса,

сонный мак и пепел сожжённых любовных писем. Знаешь, в чём главная беда всех прежних завоевателей мира? Они пытались победить людей мечом, чумой и страхом. А люди, стоит им влюбиться, тут же объединяются, лезут под пули и запихивают любого тёмного властелина обратно в преисподнюю!

Жрец шагнул ближе, понизив голос до змеиного шёпота:

— Обычная амнезия — это детский сад, через неделю всё вспоминают. А вот мой новый Песок Забвения бьёт в самый корень: он не память стирает, он любовь убивает! Высушивает в сердцах нежность, страсть и преданность, оставляя только ледяной, кристально ясный ум бухгалтера! Жена начинает видеть в муже только его храп и невынесенный мусор, подданные — только дыры в бюджете, а влюблённые — только чеки из ресторана. Никто никого больше не любит, никто ни за кого не вступается! Я уже пустил первую порцию с балкона гранд-отеля «Королевская тыква» по ветру. И скажу тебе прямо, Влад: делить с тобой этот мир ради твоего «эстетического веселья» я не стану — зачем мне компаньон, который променял клыки на семейный сироп? Через три дня всё королевство перегрызётся из-за пустяков и само упадёт мне в ноги!

Я посмотрел на мумию долгих пять секунд. Затем перевёл взгляд на Мину, которая стояла рядом, лукаво прищурившись и обмахиваясь шёлковым веером — и вдруг расхохотался так громко, что под потолком закачалась люстра.

— Ох, Имхотеп, какой же ты всё-таки музейный экспонат! — выдохнул я, вытирая выступившую от смеха слезу. — Ты всерьёз думаешь, что этот мир держится на сентиментальных вздохах? Да здесь любовь — это ядерный реактор с безумной тягой! На ней здесь работают театры, королевские браки, лесные артели и даже чёрная бухгалтерия! Если ты выключишь им любовь, они не тебе подчинятся — они от скуки передушат друг друга в очереди за хлебом, и править тебе придётся пустыми табуретками! Ступай в свой отель, попей мятного чаю и брось эти фокусы. Не сработает твой песок. Ни здесь, ни тем более в моём доме.

Имхотеп медленно поправил золотые очки. Его сухие глаза нехорошо сузились.

— Что ж, коллега, ты сам отказался от страховки, — проскрипел жрец, разворачиваясь к выходу и незаметным щелчком костлявых пальцев стряхивая с манжета пиджака тончайшее, невидимое в полумраке золотистое облачко прямо в поток воздуха из-под двери. — Посмотрим через пару часов, сколько стоит твоя хвалёная страсть, когда она превратится в годовую декларацию о доходах.

Дверь захлопнулась, и золотистая пыльца мягко, неслышно поплыла по прихожей прямо навстречу Мине.

Глава 3. Визит Смерти, или «У меня от твоих шуток коса ржавеет»

Не прошло и двадцати минут после ухода египтянина, как в массивную дубовую дверь замка негромко, вежливо постучали — трижды, костяшками пальцев, с таким звуком, словно сухой веткой провели по оконному стеклу.

Поскольку Иннокентий к этому моменту уже официально сдал смену и ушёл к себе в комнату составлять судебный иск о компенсации за картофельный ящик, открывать пришлось мне самому.

На пороге стоял Простачок.

Невысокий, коренастый, в старой потёртой шахтёрской жилетке поверх грубой холщовой рубахи и в заляпанных лесной глиной башмаках. На его голове уже не было сползшего набекрень гномьего колпака — он оставил его на память в лесной избушке у Белоснежки, когда закончился его семилетний отпуск по выгоранию, — а в его глубоких, тёмных глазах стояла та самая древняя, бездонная тишина вечности, от которой даже у трёхсотлетнего вампира слегка потягивает холодом под ребрами. Правда, от самой Смерти при этом совершенно не пахло могилой — от неё тянуло свежим сосновым лесом, вареньем из крыжовника и полевыми ромашками.

— Ого, какие гости без предварительной записи! — приподнял я бровь, пропуская его в прихожую и с искренним уважением кивая коллеге, который переиграл всю Вселенную одним живым сердцем. — Сам начальник отдела окончательных расчётов! Заходи, Простачок. Бордо будешь? Или сразу чай с крыжовником?

— Не до чая, Влад, — тихо, но с такой гулкой, властной тревогой в голосе ответил Простачок, даже не проходя в гостиную. — У нас в городе катастрофа. Египетский жрец приехал — Имхотеп, в бинтах. Я его ещё на таможне засёк, а час назад он с балкона гранд-отеля пустил по ветру Песок Забвения!

Я нахмурился, мгновенно вспомнив безупречную дикцию Иннокентия:

— Знаю. Он у меня двадцать минут назад в прихожей стоял. Сказал, что кидает нас с общим спектаклем и собирается захватить мир в одиночку. И слугу моего уже зацепило — Иннокентий теперь говорит как профессор филологии и требует оплачиваемый отпуск. Но неужели всё настолько серьёзно?

— Серьёзнее некуда, граф! — шагнул ко мне Простачок, и в его зрачках вспыхнули те самые холодные, хищные золотые искры. — Этот песок высушивает в людях любовь! Начисто! А без любви вся моя служба превращается в бессмысленный конвейер! Понимаешь, Влад? Я семь лет прожил среди этих сумасшедших людей в лесу, носил Беленькой ромашки и грел её башмаки у печки, чтобы впервые в жизни понять: человек живёт, плачет, смеётся и держится за этот свет только потому, что кого-то любит! У меня за последние полчаса полстолицы взбесилось: у фонтана влюблённые подрались из-за счёта за пирожные, в ратуше министры друг другу чернильницы на головы вылили, а у ворот дворца стражники отказываются охранять короля, потому что «им за патриотизм не доплачивают»! Если мы не остановим мумию до утра — к рассвету всё королевство превратится в стадо холодных, злобных бухгалтеров!

Я хотел было отшутиться — сказать, что трезвый расчёт иногда даже полезен для экономики, — но тут в прихожую плавно вошла Мина.

На ней всё ещё было то самое чёрное шёлковое платье с глубоким разрезом, но походка её неуловимо изменилась. Исчезла мягкая, кошачья пластика; она шла ровно, деловито, словно главбух налоговой инспекции на внеплановой проверке, а в руке держала толстую папку с документами из моего кабинета.

Мина остановилась в двух шагах от меня, обвела меня ледяным, оценивающим взглядом с ног до головы — и вдруг брезгливо поморщилась, глядя на мою расстёгнутую у ворота сорочку.

— Влад, — произнесла она ровным, сухим, абсолютно чужим голосом, в котором не осталось ни капли ночного жасмина, — я тут подняла брачный договор за тысяча восемьсот девяносто четвёртый год. Слушай, а с какой стати восточное крыло замка записано только на твоё имя, если я три века терплю твои ночные философские монологи и запах запечённого чеснока с розмарином в спальне? И вообще — застегни рубашку, не май месяц.

У меня внутри что-то глухо оборвалось и рухнуло вниз.

— Поздно, Влад, — тихо, с горькой усмешкой прошептал Простачок, глядя на моё побелевшее лицо. — Первая пылинка уже долетела.

Глава 4. Ледяной аудит в спальне и бунт в «Чёрном котле»

Следующие пятнадцать минут стали самым страшным кошмаром за все триста лет моей бессмертной жизни. Я бы предпочёл сразиться с тремя отрядами инквизиторов с осиновыми кольями, чем ещё раз пережить этот разговор.

Мина не кричала, не била посуду и не метала молнии — она действовала гораздо страшнее: она проводила инвентаризацию нашей любви, вооружившись своим самым острым и безжалостным умом Карпат, из которого вынули сердце.

— Посмотри на себя объективно, Влад, — методично чеканила она, расхаживая по библиотеке и делая пометки золотым пером в блокноте. — Три века одно и то же: пафосные речи

у камина, вечные интриги с какими-то подозрительными ведьмами и карликами, и ни одного нормального отпуска на море, потому что, видите ли, солнце тебе кожу сушит! А я, между прочим, молодая, эффектная женщина! Зачем мне этот сырой склеп в Трансильвании, если в столице сейчас открылся прекрасный спа-курорт?

— Мина, душа моя, радость моя, очнись! — взмолился я, впервые в жизни чувствуя, как на лбу выступает холодный пот. — Это же не ты говоришь! Это египетский жулик пустил тебе в нос какую-то сушёную дрянь! Вспомни, полчаса назад на медвежьей шкуре ты сама шептала мне на ухо, что тебе плевать на всю Вселенную, лишь бы положить голову мне на грудь!

Мина остановилась, окинула меня таким ледяным, недоумевающим взглядом, словно я только что предложил ей съесть сырую лягушку, и сухо передернула плечами:

— Мало ли что я говорила в состоянии эмоционального помутнения? Любовь — это просто гормональный сбой и невыгодное вложение личного времени, Влад. Завтра утром я подаю на раздел замка. Мне — западная башня, винный погреб и половина золотого запаса. Тебе — северный склеп, Иннокентий с его трудовым иском и бюст Аристотеля без носа. Спокойной ночи.

Она развернулась, запахнула свой чёрный шёлк так глухо, будто надела монашескую рясу, и удалилась в спальню, щёлкнув замком на два оборота.

Я стоял посреди библиотеки с открытым ртом. Простачок, наблюдавший эту сцену от двери, сочувственно похлопал меня по плечу:

— Ну что, маэстро теневого мира, убедился? А ведь это только начало. Пойдём в столицу, граф. У меня такое чувство, что к полуночи там камня на камне не останется.

Мы спустились в город через двадцать минут — и я не узнал собственную столицу.

Обычно по вечерам на центральной площади звенели лютни, пахло жареными каштанами, а из открытых окон дворца доносился весёлый смех. Сейчас над городом висело тяжёлое, невидимое золотистое марево — ветер с балкона гранд-отеля «Королевская тыква» разнёс Песок Забвения по всем переулкам, как пыльцу одуванчика в июне.

На ступенях королевского дворца стояла Золушка в парадной мантии и с громкоговорителем в руках, а рядом — на перевёрнутом ящике — восседал Румпельштильцхен, нервно подёргивая крысиным хвостом.

— Я повторяю последний раз, гражданин бывший муж! — звонко кричала Золушка в мегафон на всю площадь. — По брачному контракту корона, гвардия и сорок девять процентов коллекторского агентства переходят мне за моральный ущерб! Забирай свой калькулятор, свою плесень и проваливай обратно в подвал!

— Ах ты хищница тридцать шестого размера! — визжал карлик в ответ, тряся толстой пачкой векселей. — Да я на тебя все лучшие годы своей желтухи потратил! Кто тебе налоговую отчётность сводил, пока ты хрустальные туфли примеряла?! Я на тебя в арбитраж подам!

Чуть дальше, у парадного входа в театр «Молния», разворачивалась не менее драматическая сцена. На крыльце стоял Буратино — впервые за много месяцев в глухих, застёгнутых на все пуговицы твидовых брюках с подтяжками, без своей дорогой сигары и с ледяным лицом бухгалтера — и выставлял за дверь приехавшую проведать его Белоснежку с корзинкой свежеиспечённых пирогов с крыжовником.

— Всё, беленькая, лесная идиллия закрыта на переучёт! — сухо отчеканил деревянный директор, постукивая пальцем по золотым часам. — Я тут трезво подсчитал: поездки на хутор и содержание оравы оборванцев съедают тридцать процентов прибыли театра «Молния»! И врать я больше никому не собираюсь — слишком большой износ древесины, да и в «Три пескаря» ходить невыгодно. Уезжай в свой лес!

А в окне второго этажа театра безучастно выглянула строгая Мальвина с лорнетом, которая тоже успела вдохнуть золотистой пыльцы и теперь с деловым видом записывала что-то в

блокнот, прикидывая, во сколько обойдётся кастрация верного пуделя Артемона ради экономии на собачьем корме.

На окраине же площади, у ворот в Заповедный лес, Красная Шапочка в спешке меняла свой знаменитый кожаный корсет на строгий деловой пиджак, равнодушно отстёгивая поводок у растерянного Серого Волка: «Всё, Шарик, кормить тебя мясом экономически нерентабельно, переходи на подножный корм, я уезжаю на курсы бухгалтеров!» — в то время как из лесной чащи доносился ледяной треск: Снежная Королева, мгновенно вспомнив своё истинное призвание, снова замораживала камин вместе с чаем и бергамотом.

Но самый громкий скандал ждал нас в подземелье спа-салона «Чёрный котёл», куда мы с Простачком заглянули в надежде найти хоть капельку здравого смысла.

Эпидемия добралась даже до Верховных Колдуний.

В VIP-зале стоял дым коромыслом. Фея-Крестная и Злая Королева стояли по разные стороны мраморного столика, вцепившись в один и тот же позолоченный котёл для зелий и тянув его каждая на себя.

— Отпусти мою собственность, сестрица! — визжала Фея, тыча в Королеву погасшей фиолетовой палочкой. — Я на этот котёл патент ещё при царе Горохе оформляла! И вообще, с какой стати я должна делить с тобой прибыль от тыквенного синдиката, если у тебя даже зеркало с трещиной?!

— Ах так?! — шипела Злая Королева, не выпуская ручку котла и размахивая мундштуком как рапирой. — Тогда забирай свои тыквы, выметайся из моего подвала и верни половину бутылки бренди, которую ты вчера вылакала без закуски! Никакого профсоюза больше нет — каждый сам за себя!

В углу зала, прижав к груди подстриженную после травмпункта бороду, тихо всхлипывал Карабас-Барабас, которому только что позвонили из клиники и выставили счёт за моральный вред.

Мы с Простачком вышли из подвала обратно на пустую, холодную улицу. Ветер гонял по мостовой обрывки брачных контрактов, искрящиеся в свете фонарей золотистой пылью. Над городом, на балконе гранд-отеля «Королевская тыква», стояла высокая фигура в кремовых бинтах и кашемировом пиджаке, лениво попивая из бокала и любуясь тем, как за два часа рухнула целая Вселенная.

Я медленно сжал кулаки, чувствуя, как внутри просыпается тот самый старый, беспощадный граф Влад Цепеш, который триста лет держал этот мир в железном кулаке.

— Ну что, Простачок, — тихо произнёс я, глядя вверх, на балкон отеля, и чувствуя, как удлиняются мои клыки. — Похоже, турист из Египта решил, что он здесь главный сценарист. Пора напомнить этому мешку с бинтами, что случается с теми, кто без спросу переписывает мою пьесу и отбирает у вампира любимую женщину.

Глава 5. Штурм «Королевской тыквы», или Бинты на вырост

Подниматься по парадной мраморной лестнице гранд-отеля «Королевская тыква» в компании самой Смерти — удовольствие, скажу я вам, на большого любителя.

Обычно в это время в холле лучшей столичной гостиницы играл струнный квартет, швейцар в золотых эполетах распахивал двери перед знатными дамами, а горничные разносили по номерам шампанское. Сейчас же в вестибюле царила атмосфера вокзала во время всеобщей забастовки: скрипачи с ожесточением делили смычки по весу, швейцар забаррикадировался за стойкой ресепшена с табличкой «Двери открываю только по предоплате», а в воздухе висел тонкий, едва уловимый аромат сухого шафрана, ладана и какой-то древней, хищной пыли.

— Третий этаж, президентский люкс, — негромко сказал Простачок, шагая рядом со мной. В тусклом свете хрустальных бра его фигура в потёртой шахтёрской жилетке вдруг показалась мне намного выше и шире в плечах, а тень за его спиной легла на мраморные ступени так, словно за лесным недотёпой следовал кто-то огромный, в длинном развевающемся плаще.

— Осторожнее, Влад. За дверью пахнет не просто старыми тряпками. Там проснулось то, что спало три тысячи лет.

— Пусть просыпается, — глухо процедил я, чувствуя, как под верхней губой хищно удлиняются клыки, а в жилах закипает ледяная ярость обманутого режиссёра. — Этот египетский бухгалтер позволил себе нахамить моей жене, превратил моего слугу в юриста и сорвал мне романтический вечер. Я из него сейчас всю древнюю историю по ниточке распутаю.

Я не стал стучать. Одним ударом сапога я вышиб резную дубовую дверь президентского люкса с петель — и мы с Простачком шагнули внутрь.

В просторной гостиной, задрапированной тяжёлым бархатом, горели десятки ароматических свечей. Посреди комнаты, спиной к нам, у распахнутого балкона стоял Имхотеп. На столе рядом с ним поблескивала открытая хрустальная амфора, в которой медленно переливался, словно живое золото, остаток Песка Забвения.

— Ну здравствуй, турист, — негромко произнёс я, закрывая за спиной Простачка проход к балкону. — Кажется, мы не договорили насчёт авторских прав на этот спектакль.

Имхотеп не вздрогнул. Он медленно, плавно обернулся — и у меня впервые за триста лет невольно приподнялась бровь.

Это был уже не тот сухопарый, скрипучий старик в кашемировом пиджаке, который два часа назад пил у меня в прихожей. С каждым влюблённым сердцем, которое высушил его песок внизу, на улицах столицы, древний жрец словно впитывал чужую жизненную силу. Его плечи раздались, спина выпрямилась с пугающей, монументальной мощью, кашемировый пиджак треснул по швам и валялся на ковре, а льняные бинты на груди и руках потемнели, налились тяжестью, словно пропитались расплавленной бронзой.

— А, коллега Влад, — прогремел Имхотеп уже совсем другим голосом — густым, вибрирующим, от которого задрожали стёкла в балконных рамах. — И даже сам Простачок пожаловал! Какая честь. Только вы опоздали, господа. Половина столицы уже протрезвела от вашей сентиментальной дури. Ещё пара часов — и Песок Забвения накроет даже Заповедный лес. Никто никого не любит, никто никому не верит, каждый сам за себя — идеальный материал для нового фараона!

— Сдаётся мне, ты забыл одну маленькую деталь, фараон, — ледяным тоном усмехнулся я, мгновенно размываясь в воздухе и оказываясь в полушаге от него. Мои пальцы с выпущенными когтями метнулись прямо к его горлу. — Бессмертного вампира песочком не припудришь!

Я нанёс удар с такой скоростью, что обычный смертный не успел бы даже моргнуть — но моя рука с глухим, каменным стуком ударилась о грудь мумии, словно я со всей дури врезал в гранитную колонну!

Имхотеп даже не пошатнулся. Более того — в ту же секунду льняные бинты на его руках с сухим, змеиным шипением расплелись, вытянулись на три метра, как живые кожаные хлысты, и с чудовищной силой обвили мои запястья, лодыжки и грудь!

— Ты слишком долго ел каре ягнёнка и пил бордо, Влад! — захохотал жрец, с лёгкостью отрывая меня от пола и швыряя через всю комнату прямо в тяжёлый дубовый буфет. — Забыл, что древняя магия пустыни сильнее твоего европейского гламура?!

Я рухнул на паркет среди осколков хрусталя, едва успев сгруппироваться. Бинты сжимали рёбра так, словно меня обмотали раскалённой стальной проволокой, а сухая, пыльная сила жреца вытягивала из тела остатки вампирской скорости.

Имхотеп победно шагнул ко мне, занося над головой тяжёлую бронзовую руку — и вдруг замер на полушаге, словно наткнулся на невидимую ледяную стену.

Между нами стоял Простачок.

Невысокий, коренастый, в своей старой шахтёрской жилетке — но сейчас от него веяло таким первобытным, вселенским холодом, что пламя свечей в люстре разом погасло, а на окнах мгновенно выступили морозные узоры.

— Я ведь просил по-хорошему, — тихо, без всякой злобы произнёс Простачок, глядя в жёлтые глаза мумии взглядом самой Вечности. — Убирай свой песок, Имхотеп. Ты три тысячи лет назад уже прогулял свою очередь в мой журнал. Не заставляй меня доставать косу из чулана.

Мумия отступила на полшага, прищурившись. Древний жрец мгновенно понял, кто стоит перед ним, — и хитро оскалился под бинтами.

— А ты не достанешь её, Смерть! — выкрикнул Имхотеп, отпрыгивая к балкону и хватая со стола хрустальную амфору. — Я видел тебя на таможне! Ты за семь лет на земле отрастил себе человеческое сердце! Ты теперь сам боишься причинить боль, сам жалеешь этих букашек! Попробуй тронь меня — и я прямо сейчас высыплю остаток амфоры в ночной ураган! И тогда вся твоя драгоценная сказка за пять минут превратится в сухую пустыню без единой капли любви!

Жрец хохотнул, высыпал себе на ладонь целую пригоршню золотистого песка, дунул в нашу сторону — поднимая непроглядную сверкающую бурю — и с лёгкостью огромного песочного барса перемахнул через перила балкона, растворяясь в ночном небе над столицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.